

СОЦИОЛОГИЯ**О.В. Семенова****СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ НА КАВКАЗЕ**

В 90-е годы XX века, после распада Советского Союза, в кавказском регионе сложилась крайне сложная и противоречивая этнополитическая обстановка. В российском общественном сознании складывался образ ситуации на Кавказе как области межнациональной напряженности, сепаратистских устремлений и исламского фундаментализма. Отчасти данные представления основывались на реальных фактах, однако они отражают ситуацию не в полной мере и односторонне. Северный Кавказ является интегрированной частью общероссийского этнокультурного и социально-политического пространства, ему присущи специфические традиции межкультурного взаимодействия.

Политизация этнического фактора в 90-е годы XX века породила серьезные конфликты на юге страны, последствия которых существуют по сегодняшний день. Не прекратился отток русского населения из республик Кавказа. Разный уровень социально-экономического развития субъектов РФ в регионе, высокий уровень безработицы, высокая миграционная активность кавказских народов способствуют сохранению межэтнических проблем.

Наряду с внутрикавказской ситуацией на рассматриваемую проблематику влияет сложная обстановка вокруг представителей кавказских этносов в других российских регионах, что обусловлено массовой вынужденной миграцией последних лет из региона, локальной концентрацией расселения выходцев с Кавказа, а также их относительно низкой степенью ассимиляции, что нередко воспринимается местным населением как чуждость.

Для лучшего понимания современных тенденций развития региона представляется целесообразным кратко осветить основные демографические, миграционные, социально-экономические показатели.

В регионе Северного Кавказа на рубеже XX–XI веков проживали 17,8 миллионов человек (*Маликова Н.Р.* 2004. С. 21). В том числе: этническая общность адыгов (кабардинцы, черкесы и адыгейцы, расселены преимущественно в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии); горские народы Дагестана – аварцы, даргинцы, лезгины, лакцы, табасаранцы, рутульцы, агулы и др. (дагестанская подгруппа дагестано-нахской языковой группы); нахская группа, состоящая из чеченцев и ингушей (нахская подгруппа дагестано-нахской языковой группы); осетины (иранская группа индоевропейской семьи языков); тюркские народы – кумыки (Дагестан), карачаевцы и балкарцы, ногайцы (Карачаево-Черкесия, Ставропольский край, Дагестан, Чечня). По данным переписи 2002 г., численность северокавказских народов тюркской языковой группы составляла около 820 тыс., нахской группы – свыше 1,5 млн. (чеченцев – более 1 млн. 360 тыс., ингушей – 283 тыс.), дагестанской группы – 1 млн. 850 тыс., иранской группы – свыше 409 тыс. чел. В большинстве республик Северного Кавказа (кроме Карачаево-Черкесии и

Адыгеи) титульные народы составляют большинство населения, т.е. свыше 50%. Наиболее крупный массив исторически «некоренного» населения по численности образуют русские.

Территория Северного Кавказа по показателям динамики численности населения общего, миграционного и естественного прироста в настоящее время разделилась на две неравные по числу субъектов зоны (*Рязанцев С.В.*, 2003). К первой зоне относятся территории относительного демографического благополучия, для которого характерно в основном увеличение численности населения, а также положительный показатель общего прироста населения. Сюда относятся четыре субъекта Российской Федерации: Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чеченская Республика. Однако в этих регионах демографическое благополучие носит относительный, а возможно, и временный характер.

Вторая зона – «депрессивные» в демографическом отношении регионы. В них наблюдалась тенденция сокращения численности населения, показатель общего прироста населения был отрицательным. Эта зона имела тенденцию постепенного расширения и к 2005 г. охватывала восемь регионов. Уменьшалась численность населения в регионах с преобладанием русского населения: на Ставрополье, в Ростовской области, Краснодарском крае, Астраханской области, Волгоградской области. В последние годы наметилось изменение данной ситуации, но об устойчивой тенденции роста населения говорить пока рано. Также депопуляция периодически проявляется в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Если раньше в национальных республиках СССР развивались общие социально-культурные процессы, то с распадом Советского Союза каждое независимое государство и республика стали развиваться по-своему, испытывая, тем не менее, сходные противоречия и трудности переходного периода, обусловленные, прежде всего, вооруженными конфликтами и повсеместным социально-экономическим спадом.

Многонациональный характер кавказского региона обуславливает ряд специфических моментов в проявлениях этнического самосознания народов Кавказа. Его сложное многоуровневое строение допускает неконфликтное совмещение различных идентичностей как этнического, так и гражданского характера. Эта сложная структура потенциально способна обеспечить стабильность в регионе, поскольку ослабляет архаизирующее давление этнонационализма на общественную жизнь и не позволяет радикальным формам этнонациональной мобилизации обрести устойчивый массовый характер. Материалы социологических исследований показывают, что многие «конфликтогенные» вопросы являются таковыми лишь в официальной риторике и средствах массовой информации. Например, преувеличено значение религиозного фактора, роль экстремистских течений ислама в жизни народов Северного Кавказа (*Арутюнян Ю.В.*, 2003).

Более актуальными представляются изменения идентификационных доминант самосознания, поскольку они позволяют понять, какой основной тип идентичности сформировали радикальные изменения последних пятнадцати лет на кавказском постсоветском пространстве. Компаративный анализ социологических исследований начала 1990-х гг. с современными данными показывают увеличение значимости национального фактора, причем ориентация на национальность связывается с ориентацией на земляков, акцент на российскую идентичность стал менее выраженным. Произошел сдвиг массового сознания в сторону индивиду-

лизма и универсалистских форм кооперации (с коллегами, политическими единомышленниками, профессиональной группой и теми, кто имеет аналогичные мировоззренческие интересы). Рельефнее стала ориентация на семью. Отчетливее проступило осознание поколенческой солидарности (*Бадыштова И.М.*, 2003).

Специфика менталитета народов Северного Кавказа по-прежнему основывается на установках традиционного общества, прежде всего – устойчивости родственных и социальных сетей, потребности в авторитете и уважении старших, определенном фатализме, ориентации на общественное мнение, зависимости от мнения родственного клана и окружающих.

Благодаря этому у большинства представителей народов Северного Кавказа отсутствуют предпосылки ценностного диссонанса. Поскольку они идентифицируют себя как представителя общества, сильного своими традициями, они понимают и воспринимают регулятивные особенности собственной жизни, необходимые для сохранения традиционных паттернов поведения.

Однако влияние модернизационных процессов в социокультурной сфере бесспорно возрастает. Наиболее заметные метаморфозы происходят в распределении гендерных ролей. Все больше женщин посвящают себя профессиональной карьере, возрастает их роль в материальном обеспечении семьи, изменяется сексуальное поведение, становятся возможными ранее практически немыслимые действия и явления, например, заведение ребенка без официального замужества. Самые отчетливые перемены происходят в сфере занятости, возрастают требования к квалификации, эффективности профессиональной деятельности. Как и во всем мире, это оттесняет семейно-родственные связи и национальную принадлежность индивидуума на второй план. При этом большинство жителей региона продолжают считать, что в главном традиционные ценности сохраняют свое влияние на принципиальные аспекты их поведения и быта (*Черныш М.Ф.*, 1995. С. 55).

Наличие множества языков и диалектов в регионе обуславливает сохранение роли русского языка как главного инструмента межличностной коммуникации. Этот фактор в значительной степени способствует сохранению влияния русской культуры. Сохраняется более высокий авторитет образования, особенно высшего, полученного в городах европейской части России, чем в ВУЗах своей республики. По наблюдениям автора, градации престижности образования в России среди кавказской молодежи строится так: наиболее престижны ВУЗы Москвы, затем Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и т.д. На сегодняшний день основная часть учебной и научной литературы существует на русском языке, поэтому, как показывают результаты исследований (*Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю.*, 2001), более высок профессиональный уровень у специалистов, учившихся в русской школе и ВУЗе, читающих художественную и научную литературу на русском языке.

В сфере межэтнических противоречий заметную роль играет национально-клановое разграничение в экономической, административно-управленческой и родственной сфере.

Возрастает влияние ислама на социокультурное развитие субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе, хотя религия не стала безусловной доминантой общественной жизни. Зачастую религиозный фактор рассматривается преимущественно как «запретитель» потребления алкоголя и наркотиков. Однако, постепенно ислам начинает выступать как в целом ограничитель определенных религиозными нормами, рамками морально-этических, ценностных, поведенческих и др. норм.

В менталитете представителей различных этносов Северного Кавказа становится доминирующей региональная идентичность. Национальная принадлежность оказывается более узкой, локальной характеристикой, которая имеет значение внутри республик, выезд же в Европейскую Россию снимает этнические барьеры и формирует понимание единства кавказских народов в силу близости ценностно-нормативных и мировоззренческих черт. Даже русские, эмигрировавшие из кавказских республик, зачастую ощущают себя на исторической родине «кавказцами», поскольку интериоризировали соответствующие паттерны поведения. Такая ситуация наблюдалась и раньше, но с исчезновением таких мощнейших институтов как СССР, КПСС, комсомол, консолидирующих граждан по целому ряду признаков, роль региональной идентичности возрастает.

По мнению исследователей (*Крылов М.П.*, 2005), кавказский менталитет, общие духовные ценности порождены кавказским образом жизни и включают в себя такие черты, как искусство диалога, или умение слушать и, советуясь со старшими по возрасту, находить компромиссные решения; идеи гуманизма, доброжелательства в содержании кавказских обычаев и норм поведения; идеи чести, справедливости, мужества, особого отношения человека к достоинству, правде и свободе. Таким образом, «кавказскость» оказывается категорией, выражающей социальную идентичность, которая формируется в исторически сложившейся социокультурной среде Кавказа (*Солдатова Г.У.*, 1998. С. 223–244).

В рамках понятия «кавказец» выделяется более локальное идентификационное понятие – «северокавказец», которое основано на близких социально-психологических установках и общей социокультурной базе – «сходных проявлениях жизнедеятельности северокавказских этносов, взаимооткрытости этнических границ и культурно-исторической общности, выходящей за пределы отдельных этнических групп» (*Кобахидзе Е.И., Павловец Г.Г., Федосова Е.В.*, 2004. С. 96).

Характерно, что в идентификационном комплексе жителей региона наличествует отнесение себя к более широкой общности. В случае с Северным Кавказом это, очевидно, всё российское общество.

Решение современных проблем северокавказского региона, по-видимому, пролегает через реализацию комплексной программы радикальных преобразований во всех значимых сферах жизни Южного федерального округа, в том числе социальной и культурной. Один из вариантов предлагает рассматривать Юг России – «русские» области и «кавказские» республики как единый макрорегион (Атлас социально-политических проблем ... 2006. С. 78). Такой подход позволяет рассматривать проблемы Кавказа как проблемы всего макрорегиона и привлекать к их решению федеральные структуры власти, а также вовлекать в этот процесс наряду с национальными республиками области и края Юга России с преобладающей численностью русскоязычного населения.

Угрозы, обусловленные ростом ксенофобии и экстремизма в современном обществе, обуславливают повышенную востребованность гражданской идентичности, гражданского сознания и поведения. Исследователи проблем самоидентификации народов Кавказа в современном обществе отмечают, что «в случаях, когда идентичность относительно стабильна, устойчива, у её носителей нет причин для постоянного агрессивно-нарциссического отличия себя от иных и чуждых» (*Гонтарева А.Е.*, 2007. С. 111). Поэтому одной из приоритетных задач современного общества является развитие групповых идентичностей, осознающих себя в

данном качестве, способных ответственно выдвигать и реализовать специфические социальные, культурные, экономические и политические требования.

Логика статьи требует формализовать ключевое понятие «*цивилизационная самоидентификация*» и дать ему определение. Сложность данной задачи обусловлена многозначностью, поливариантностью термина «цивилизация». Его размытость в современной научной литературе обусловлена не только методологическими предпочтениями авторов, использующих данную дефиницию, но также их политическими установками и мотивами. Наличие нескольких смыслов дает простор для произвольного выделения и расстановки акцентов, отождествления либо разнесения различных типов цивилизации.

Традиционное понимание цивилизации как широкой культурной общности высшего ранга, определяемой объективным наличием общих черт (язык, история, религия, обычаи, институты) и субъективной самоидентификацией людей, постоянно подвергается разнонаправленным корректировкам

Понятие цивилизации прошло длительный путь развития и имеет различные трактовки. Дефиниции, приводимые в различных источниках, в определенной степени отражают интересы исследователя, его понимание перспектив социокультурного развития. Наиболее широко употребляемые значения термина «цивилизация» (от лат. *civilis* – гражданский) это:

- 1) любой отдельный социокультурный мир (А. Тойнби);
- 2) следующая за варварством ступень культуры, которая постепенно приучает человека к упорядоченным совместным действиям с себе подобными (Л. Морган);
- 3) уровень развития материальной и духовной культуры (античная цивилизация, современная цивилизация);
- 4) эпоха деградации и упадка в противовес целостности, органичности культуры (в теориях Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и др.);
- 5) материальная, утилитарно-технологическая сторона общества, противостоящая культуре как сфере духовности (Г. Зиммель);
- 6) наиболее широкая социокультурная общность, определяемая высоким уровнем культурной идентичности (С. Хантингтон).

Обширное поле различных толкований усложняет принятие общепризнанных определений, но этот же фактор предоставляет возможность для формирования объемной картины современного мира, включающей многочисленные разнонаправленные культурно-исторические типы, объединенные единым цивилизационным началом, выходящим за рамки отдельной этнической общности или локального исторического процесса. Различные культуры интерпретируют это единое начало в сакральном контексте, базирующемся на признании неких высших ценностей и святынь (на ранних этапах развития общества, как правило, конфессиональных), превышающих узкие политические цели и проекты. Создание иерархии ценностей является признаком осознания цивилизационной принадлежности, поскольку позволяет сохранить преемственность культур и устойчивую идентичность.

Устойчивое представление о своей цивилизации служит инструментом индоктринации, направленной на глобальный социум. Её целями являются консолидация родственных в культурно-историческом отношении народов, определенная унификация их сознания, формирование или коррекция исторического образа народов в сознании представителей своих и иных социумов.

Очевидно, что современное понятие цивилизационной принадлежности как способа личной и социальной самоидентификации в решающей степени определяют новые факторы информационной эпохи, процессы глобализации, обусловившие её унификацию и высокую технологичность, дающие разнообразные возможности политтехнологам и политикам прояснять либо усложнять суть общественных явлений и процессов. В настоящее время векторы цивилизационной самоидентификации по большей части направляются, контролируются и корректируются извне, под влиянием политических интересов. Большинство современных способов и моделей самоидентификации представляют собой технологии манипулирования сознанием и подсознанием, в том числе и с целью навязывания обществу политического курса и геополитических установок.

Обязательным условием актуализации цивилизационного самосознания является возможность сравнения, противопоставления своих норм и принципов другим культурно-историческим типам общности, обладающим иными нормами, принципами самоорганизации. Этот принцип социального развития подчеркнут Л.Н. Гумилевым в определении этноса – «естественно сложившегося на основе оригинального стереотипа поведения коллектива людей, существующего как структура, противопоставляющая себя другим таким коллективам» (*Гумилев Л.Н., 1989. С. 157*). Подобная антитеза является условием поддержания необходимого «тонуса» цивилизации и сохранения её идентичности, но при этом она же формирует опасность избыточного эгоцентризма, ведущего к снижению самокритичности, упадку культуры и деградации.

Объективный анализ процессов и темпа исторического развития человечества свидетельствует, что в древних культурах цивилизационное сознание и формы его идентичности возникают медленно и относительно слабоуправляемо, при опоре на господствующую религию. С течением веков усиливается сознательное целенаправленное воздействие на выработку форм цивилизационного сознания, что постоянно ускоряет темп формообразующих процессов. Параллельно происходит медленный перенос опоры с доминирующей религии на гораздо более динамичные квазирелигиозные модификации синкретического и эклектического характера в создании и укоренении цивилизационных проектов и идентификационных концепций. Их основой постепенно становятся сциентистская и культурная мифология, по существу религия заменяется культурой как таковой.

Современные идентификационные конструкты, проявляющиеся в форме мифологем, идеологем, теоретических концепций, художественных символов, обретают возрастающую унифицирующую силу, культуротворческую функцию, организующую различные элементы в систему с заданными качествами. По мнению В.Б. Земскова, наиболее креативная роль в этом процессе принадлежит художественно-философской мысли, непосредственно граничащей с цивилизационной рефлексией (*Земсков В.Б., 2000. С. 96–103*).

Затронутые аспекты складывания и эволюции северокавказской (горской) цивилизации в значительной степени соответствуют признакам пограничной цивилизации, в том числе: постоянная активизация архаических феноменов, неоднородность и агрегированность цивилизационной базы, незавершенность процесса культурного синтеза (*Шемякин Я.Г., 2000. С. 22–23*).

Вышеизложенное позволяет сформулировать определение понятия «цивилизационная самоидентификация» как устойчивое самоотождествление личности, этноса, группы народов с ментальным образом, возникшим, созданным, допол-

ненным в процессе противопоставления личного и группового «Я» иным субъектам социального развития на основе архетипов, религиозных представлений, мифологем, теоретических концепций, определяющим смыслы и цели бытия, проекты жизнеустройства, базирующимся на чувстве общности коллективной судьбы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арутюнян Ю.В., 2003. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М.

Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. 2006. Ростов-на-Дону.

Бадьштова И.М., 2003. Отношение местного населения к мигрантам (на примере Приволжского федерального округа) // СОЦИС.

Гонтарева А.Е., 2007. Проблемы самоидентификации народов КБР в контексте федерализации общества // Материалы международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива-2007». Т. 1. Нальчик.

Гумилев Л.Н., 1989. Письмо в редакцию // Вопросы философии. № 5.

Земсков В.Б., 2000. Латинская Америка и Россия (проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях) // Общественные науки и современность. № 5.

Кобахидзе Е.И., Павловец Г.Г., Федосова Е.В., 2004. Роль этничности в межкультурном взаимодействии народов Северного Кавказа // Материалы II Всероссийского социологического конгресса: Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы. М.

Крылов М.П., 2005. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // СОЦИС. №3.

Маликова Н.Р., 2004. Этносоциологическое исследование трансформации постсоветских наций // СОЦИС. № 5.

Рязанцев С.В., 2003. Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь.

Солдатова Г.У., 1998. Психология межэтнической напряженности. М.

Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю., 2001. Кавказский фактор в современной России // СОЦИС. №3.

Черныш М.Ф., 1995. Национальная идентичность: особенности эволюции // Социологический журнал. №2.

Шемякин Я.Г., 2000. Отличительные особенности «пограничных цивилизаций»: Латинская Америка и Россия в сравнительно-историческом освещении // Общественные науки и современность. № 3.